

Николай Николаевич Мисюров

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, Омск, Россия
e-mail: misiurovnn@omsu.ru

«Случай» с Одиссеем как иллюстрация к «качественной» метафизике Аристотеля (причина как цель и благо)

Аннотация. Рассматривается ключевая, эпистемологической важности проблема аристотелевской метафизики «начал» и «причин»: отношения значений «возможного» к значениям «способности». «Сущность» обладает имеющими определенную природу качествами. Контрапункт всей аристотелевской диалектики — принципиальный методологический вопрос: «подлинная случайность» происходит из «неопределенности» или же она обусловлена «содержанием вещи» («все причины суть начала»)? Доказывается, что «случайность» помимо очевидного категориального смысла (в логической связке с «необходимостью») имеет безусловное аксиологическое значение, при определенных обстоятельствах становясь «благом». Делается вывод о том, что эстетическое оформление когнитивной и онтологической модели мира вообще характерно для античной философской мысли; на высоком художественном уровне это сделано в трудах Аристотеля (фрагменты из творений «божественного» Гомера — общепризнанный образец классики).

Ключевые слова: метафизика бытия, диалектика внутренних противоречий, причинность, случайность, возможность, благо.

Nikolay N. Misyurov

Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Journalism and Media Linguistics, Omsk, Russia
e-mail: misiurovnn@omsu.ru

“Case” with Odysseus as the Illustration to Aristotle’s “Quality” Metaphysics (Cause as a Goal and Goodness)

Abstract. The key epistemological problem of Aristotelian metaphysics of “principles” and “causes” is considered: the relationship of the meanings of the “possible” to the values of “ability”. “Essence” has certain qualities. The counterpoint of the entire Aristotelian dialectic is a fundamental methodological question: does “genuine randomness” come from “uncertainty” or is it due to the “content of a thing” (“all causes are the essence of the beginning”)? It is proved that “randomness” in addition to the obvious categorical meaning (in a logical connection with “necessity”) has an unconditional axiological meaning, under certain circumstances becoming a “good”. It is concluded that the aesthetic design of the cognitive and ontological model of the world is generally characteristic of ancient philosophical thought; at a high artistic level, this is done in the works of Aristotle (fragments from the creations of the “divine” Homer are a universally recognized example of the classics).

Keywords: metaphysics of existence, dialectic of internal contradictions, causation, chance, possibility, goodness.

Введение (Introduction)

В известном гегелевском наброске, одной из ранних работ, получившей у исследователей обозначение «Фрагмент системы 1800 года», бесконечное многообразие феноменов жизни рассматривается как множественность «организаций», включая человека как феномен индивидуальной жизни, само «полагание жизни» осуществляется посредством рефлексии индивидуума по поводу «в себе существующего» единичного факта «нашей ограниченной жизни» как случайного отражения единства «разъединенного и соединенного целого» одухотворенной природы [1, с. 196]. Это множество обыденных «проявлений» конкретной челове-

ческой деятельности как реализация потребностей по преимуществу внешней жизни требует упорядочения; «созерцающее» или «мыслящее рассмотрение» обособленных объектов, а также результатов подобной частной активности индивида означает попытку перейти от чисто субъективного восприятия событий к чисто объективному постижению причин и следствий: каким же образом «конечное обусловлено бесконечным» [1, с. 201]. Сама по себе «природа» отдельного человека и человеческого рода в целом, согласно гегелевскому уточнению, случайна; оставим в стороне угадываемую в рассуждениях философа теологическую задачу обоснования необходимости «усовершенствования»

© Мисюров Н. Н., 2022

Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2022, № 2 (35), с. 22–29.
Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2022, no. 2 (35), pp. 22–29.

и «возвышения» человеческой природы, обозначим собственную задачу: функцию случайности в «противоположении» конечной жизни бесконечному всеобщему бытию.

Замысел этой статьи подсказан известной специалистом книгой В. В. Библихина (сборник «Слово и событие»); размышления его о самобытной традиции русской философской мысли — в связи с непринятым в свое время научным сообществом переводом молодого В. В. Розанова «Метафизики» Аристотеля — переходят в размышления об «утраченных возможностях нашей культуры»; великого античного философа в России действительно поняли «тяжеловесно» (даже А. Ф. Лосев принял Аристотеля за «первого профессора в истории философии») [2, с. 238]. В. В. Розанов «угадал» аристотелевский дух свободного искания с опорой на очевидность, оценил аристотелевское внимание к ближайшему; «домашний» его перевод учитывал остроумие и иронию Аристотеля (в «неуклюжих», по определению Библихина, советских переводах ничего этого и близко нет). Суть античного знания — увлеченность человека «органическим целым». Приписывает ли Розанов как переводчик-единомышленник Аристотелю «более интимное и сильное чувство удивления перед бытием», которое и есть «истинное начало философии», нежели Платону, уже неважно; гораздо важнее то, что в полузабытом переводе В. В. Розанова «восстанавливается античное ощущение направленности бытия» [2, с. 241]. Аристотелевский реализм одухотворен особым эллинским культурным началом — «притяжением красоты». Попытаемся вчитаться, увы, пользуясь академическим переводом, в аристотелевскую метафизику «оснований» и «причин» существования изменчивого мира. Тем более, что В. В. Розанов видел в «начале мира» не давным-давно случившееся событие, а спасение, к которому устремлено всё в этом мире.

Методы (Methods)

Для начала выясним эпистемологические параметры своеобразной аристотелевской метафизики, в которой, что постараемся доказать, всякая причина выступает не только в качестве цели, но и «блага». В космологии Аристотеля пространственному движению отводится исключительная роль; однако физика Аристотеля, согласно хрестоматийной «марксистской» оценке В. Ф. Асмуса, «остаётся в своей основе не количественной, а качественной»: Аристотель утверждает «реальность качественных различий и качественного превращения одних физических элементов в другие» [3, с. 31]. Это и есть характерное, раскрепощенное философским рационализмом, специфическое эллинское «удивление бытием».

Определимся с философским инструментарием: метафизика стремится свести всякое внутреннее противоречие, лишённое заранее объективного значения, к противоречию «в разных отношениях»; диалектика же признаёт объективность и одного, и другого; центральная проблема самой логики — «диалектика определений понятия» [4, с. 78]. Согласно Аристотелю, дело диалектики — подыскать необходимый и подходящий инструментарий для построения всевозможных «умозаключений относительно предложенных для обсуждения проблем на основе наиболее правдоподобных из имеющихся посылок» [5, с. 591].

Кантовская критика Аристотеля, «приписавшего» метафизическое значение категориям по ходу выяснения их логических функций, была вызвана расхождением между античной философской традицией «осевого времени» (определение Ю. Эволи) и картезианской эпистемологией (из «природы определяемой вещи» Б. Спиноза выводил разнообразие и множество, понимаемые как способы осуществления собственной противоположности — тождества и единства их «природы»). В таком случае границы логики определены ее функциями: обстоятельно излагать и строго доказывать «одни только формальные правила всякого мышления»; эта обновленная наука «вправе и даже должна отвлекаться от всех объектов познания и различия между ними» [6, с. 83]. Для И. Канта проблема «полноты системы» сводилась к довольно простой методологической задаче — нахождению особого вида логических и онтологических понятий в дополнение к традиционным, т. е. со времен Платоновской школы и Аристотеля установленным, категориям. Любопытно, что в качестве наглядного примера он рассматривает как раз интересующую нас «категорию причинности» [7, с. 177]. Что же касается несомненной пользы диалектики как остроумного способа исследования, «прокладывающего путь к началам всех знаний», то Аристотель прямо указывает на специфическую и вполне конкретную область ее успешного применения: «...когда возможно сомнение в правильности той или другой стороны, нам легче будет замечать в каждом отдельном случае истинное и ложное» [5, с. 351].

Литературный обзор (Literature Review)

Учитывая специфику предмета исследования (в единстве философского и литературоведческого, герменевтического, аспектов), нельзя сказать, что содержание проблемы малоизучено, как раз наоборот, усилиями отечественных и зарубежных авторов Аристотель превращен в хрестоматийно известного классика; диалектика и логика как важнейшие достижения античной философской мысли должным образом оценены и в классической эпистемологии, и философией «неклассической рациональности»; уделялось немало внимания противопоставлению весьма условного аристотелевского «материализма» столь же условному платоновскому «идеализму»; однако в подобной постановке вопрос никогда не рассматривался прежде. Новизна работы состоит в ее «синергетичности».

Научные интересы подвержены переменчивой моде: ни Аристотель, ни Гомер, увы, не привлекают сегодня столько внимания, сколько в прежние времена. В советский период было сказано об Аристотеле почти всё, что требовалось (в духе марксистского учения); авторитет выдающихся ученых А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса был таков, что после них нечего было делать другим, приведу лишь некоторые труды по данной тематике: [8; 9; 10; 11; 12]. Особняком — подобно утесу с прикованным Прометеем — стоит труд М. Хайдеггера [13]. Основные труды зарубежных классиков науки издаются также в 1950–1960-х гг., современные новинки — переиздания старых книг, либо же косвенным образом имеют отношение к философии [14; 15; 16; 17; 18]. Есть весьма интересные новые работы отечественных исследователей [19; 20; 21]. Мало кого сегодня волнует «гомеровский

вопрос»; если же в отечественной науке в 1970–1980-х гг. появилось несколько знаковых работ, посвященных гомеровским поэмам [22; 23; 24], то зарубежный «любитель древностей» довольствуется либо «путеводителями» по Гомеру, либо же переизданиями классических сочинений 1900-х гг. [25; 26; 27; 28]. Среди новейших работ есть интересные публикации, но с предметом исследования данной работы они соотносятся лишь в отдаленной мере [29]. В этом смысле предпринятое исследование представляет собой попытку вернуться в обозначенный дискурс, далеко не всё изучено и не всё сказано, тем более, если принять версию «неверно понятого» русским читателем Аристотеля.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Диалектика общего и единичного — проблематический стержень аристотелевской «Метафизики»; поскольку соотношения «части» и «целого» взаимообусловлены их сущностным единством, то возникает вопрос о «началах». В книге пятой своего фундаментального труда Аристотель утверждает: «Началом называется то в вещи, откуда начинается движение, например у линии и у пути отсюда одно начало, а с противоположной стороны — другое»; «то, что, не будучи основной частью вещи, есть первое, откуда она возникает, или то, откуда как от первого естественным образом начинается движение и изменение» (приводимые примеры убедительны и понятны всем — основной брус закладываемого судна, основание строящегося дома, сердце и мозг живых существ) [30, с. 145]. Помимо сущностного содержания, отражающего многообразие наличного бытия, понятие «начала» получает еще и свое категориальное обоснование: «...то, откуда как от первого познается предмет, также называется его началом, например основания доказательств» [30, с. 145]. Многозначность рассматриваемого понятия обусловлена «нелинейностью» процессов реализации потенциально заложенных в «началах» возможностей материального объекта (как и субъекта — индивида): с неизбежностью возникает закономерный вопрос о «причинах», столь же многозначных. Аристотель весьма категоричен: все причины по существу — «начала». «...Для всех начал общее то, что они суть первое, откуда то или иное есть, или возникает, или познается; при этом одни начала содержатся в вещи, другие находятся вне ее. Поэтому и природа, и элемент, и замысел, и решение, и сущность, и цель суть начала: у многого благое и прекрасное суть начало познания и движения» [30, с. 145]. Логика переплетается с этикой.

Заметим, что Аристотелевская категориальная оппозиция «форма — материя», вообще характерная для философской классики, сопоставима с современной синергетической процедурой исследования объекта посредством превращения материала в определенную организованность. Структура — «производная исследовательской деятельности»; структуры отдельных предметов одного и того же объекта образуют «общность», которая есть «форма, присущая объекту»; если структура — конструкт, то форма (моделируемая на основании сопоставления ряда структур) — феномен [31, с. 90]. Так выявляется «общее» и «случайное».

Таким образом, задача «наиболее способной», эффективной и продуктивной, науки заключается, по мнению Арис-

тотеля, в доскональном исследовании «причины для каждой вещи» [30, с. 68]. Первостепенная значимость именно этой категории для философа аксиоматически очевидна: «...ведь причина, по которой создается что-нибудь, есть первичная часть, сама по себе сущая» [30, с. 203]. Что же следует понимать под этим? «Причиной называется то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь — причина изваяния и серебро — причина чаши, а также их роды суть причины; форма, или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы, или первообраза (например, для октавы — отношение двух к одному и число вообще)...» [30, с. 146] Но это именно категориальный, логико-содержательный смысл понятия; однако более интересен для наблюдений метафизический, отражающий структуру нашего когнитивного опыта, смысл рассматриваемого понятия как феномена. Ибо «причина» — «...то, откуда берет первое свое начало изменение или переход в состояние покоя; например, советчик есть причина, и отец — причина ребенка, и вообще производящее есть причина производимого, и изменяющее — причина изменяющегося; цель...» [30, с. 146] Такова теоретическая основа вопроса. Какова практическая?

Что же говорит по этому поводу современная наука? «Причинная» взаимосвязь материальных и «идеальных» объектов окружающего мира и феноменов бытия выражает генетически детерминированную глубинную связь между одним явлением либо же процессом («причиной»), при наличии определенных условий с неизбежностью вызывающим к жизни другое явление, порождающим иное действие («следствием»), а также обнаруживает определенные изменения (количественные, переходящие в качественные) в состоянии объектов и структур реальности, имеющих свои скрытые основания и мотивации, если речь идет об отдельном индивиде, к подобной трансформации — в рамках «базовых моделей бытия».

Классической механикой причинность понималась как линейный и однонаправленный процесс внешнего силового воздействия одних материальных тел на другие, закономерно приводящий к соответствующим изменениям в состояниях и свойствах тел. Абсолютизация «атомистической» модели мироздания и социального бытия приводила к «механистическому» упрощению анализируемой проблемы (вспомним известное изречение перипатетиков: «Всё, что движется, движется чем-то другим»); причинность трактовалась как связь последующих состояний «тела». Сформировавшаяся в парадигме «неклассической рациональности» новая «вероятностная» модель мира учитывала возникшие методологические сложности: обозначена проблема «специализации» (функционального назначения) сложных систем, в особенности — социальных; введено понятие «целенаправленности» (в классической философии — «цели»); поставлена задача описания «уровней внутреннего строения и детерминации систем»; определен новый инструментарий — «язык вероятностных распределений»; самое главное — акцентирован вопрос о феномене «случайности» [32].

Вернемся к философской классике; что обо всём этом думал Аристотель? Во-первых, зафиксируем основные значения рассматриваемого понятия. «Сущность», или же «суть

бытия вещи», — первая исходная причина; другая столь же первостепенная причина — материя, или «субстрат»; третья — начало движения; четвертая — причина, противоположная последней, а именно «то, ради чего», или благо, являющееся целью всякого «возникновения» и движения [30, с. 70]. Во-вторых, обозначим «операционную» логику применения понятия — динамику и статику исследуемой категории: «Причина — это также то, что находится между толчком к движению и целью... всё это служит цели, а отличается одно от другого тем, что в одном случае это орудие, в другом — действие. <...> ...Следует, что у одного и того же бывает несколько причин. <...> Далее, одно и то же бывает иногда причиной противоположного...» [30, с. 146] И снова в качестве примера — образные картины: так, изваяние обязано своим рождением и ваятельному искусству, и меди, пошедшей на его изготовление; причиной крушения судна может стать отсутствие кормчего, присутствие же которого является причиной его сохранности. Заметим также, что речь не идет о банальной «механической» причинности, Аристотель — не только подлинный философ, обстоятельно исследующий внутренние закономерности предмета в соответствии с высшим «знанием о первых причинах», но как истинный художник рисует красочную картину удивительного мира, в котором «...окружающие нас вещи явно изменяются и никогда не остаются в одном и том же состоянии...» [30, с. 282].

Наконец, мы подходим к интересующему нас аспекту рассматриваемой проблемы: указывая на существенное различие «действительности» и «возможности» [5, с. 305], разграничивая «разное» и «случайное» [5, с. 493], Аристотель заявляет в «Топике»: «Случайное не есть ни необходимо существующее, ни происходящее большей частью» [5, с. 384]. Поскольку «само сущее не может быть сущностью в смысле единого», то может с вероятностью реализоваться и «в чём-то другом». Возникает закономерный вопрос: является ли «случайное» результатом «неопределенности»? «Причина... того, что движение кажется неопределенным, состоит в том, что его нельзя отнести ни к возможности сущего, ни к действительности сущего: ведь и то, что есть количество в возможности, не приводится необходимым образом в движение, так же как и то, что есть количество в действительности; ...причина в том, что не закончено то сущее в возможности, осуществление которого есть движение» [30, с. 290]. Так что «сущему в возможности» только и остается быть «осуществлением»; понять это порой трудно, но вполне возможно. «Сущность» же напрямую связана с качеством, а качество всегда «имеет определенную природу», тогда как количество — по меньшей мере «неопределенную» [30, с. 282].

«Случайность» принято трактовать как проявление внешних неустойчивых связей и явлений определенного фрагмента действительности, результат совпадения независимых процессов или событий; это — форма проявления необходимости, обуславливающей фундаментальные законы природы и общества. Диалектическая противоположность этих взаимосвязанных философских категорий очевидна. Вопрос о «первопричине» случайных (или же необходимых) явлений и событий, приведших к определен-

ным изменениям исследуемого объекта, в кантианской — классической — эпистемологии связан с неоднозначностью понимания безусловности («причинного ряда»), порождающей методологическую проблему «предельного перехода». Это уже вопрос расширения понятийной области анализируемой дихотомии необходимости и случайности до бесконечности в пространстве и времени мира в целом. Все события в такой картине мира рассматриваются «однозначно детерминированными». Однако подобная трактовка случайности как «привходящего» в таком случае теряет свой смысл; противоположным образом абсолютизация «непредсказуемости» как атрибута случайности ведет к смешению (не различению) с «предсказуемой» необходимостью. Случайность не вытекает непосредственно из сущности исследуемых процессов, определенных изменений (количественных или же перешедших в качественные), вполне конкретного события (непредсказуемого или же предвиденного), являясь результатом комплекса причин (причинно-следственных взаимодействий). Она не может быть объяснена исключительно «из самой себя» (в отличие от «тотально» детерминирующей всякие объективные взаимосвязи необходимости).

В современной эпистемологии понятие «случайности» конкретизировалось в понятиях динамических, которыми определяется существование каждого единичного явления, и статистических, которые управляют однородными, существующими независимо друг от друга массовыми явлениями, закономерностей. Методологически важен вопрос о вероятности того или иного события как «меры» его случайности. Конструктивная (конституирующая) роль случайности в мировом процессе находится в центре внимания современной философии; особую значимость для понимания диалектического соотношения случайности и необходимости получают исследования в области синергетики, оперирующей понятиями «порядка» и «беспорядка». Согласно дискуссионному положению «последовательного детерминизма», случайность — понятие, отражающее не объективное положение вещей в пространстве, а неполноту нашего знания об этом; предполагается спонтанное, ничем не детерминированное начало причинного ряда, причина, не являющаяся следствием. Среди таких «свободных причин» (определение И. Канта) обнаруживается не субъективная, а непредсказуемая объективная случайность. Синергетика конкретизировала природу «объективной случайности»; в точке бифуркации — перехода объекта в новое качество — обнаруживается не одна, а множество возможностей; их реализация в действительности лишь потенциальна. Функция случайности — выбор одной из имеющихся возможностей, «запускающей процесс ее превращения в действительность»; именно здесь переплетение причин и следствий разрывается и возникает объективная, «подлинная случайность» [33].

Какова «структура целостного процесса» (воспользуемся понятием синергетики) по Аристотелю? Вернемся в философское пространство его «Метафизики». «Способностью, или возможностью, называется начало движения или изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное... Таким образом, способностью называется,

с одной стороны, вообще начало изменения или движения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное, а с другой — начало, откуда вещь приводится в движение иным или ею самой, поскольку она иное...» [30, с. 162] Поскольку определенные значения «возможного» не имеют прямого отношения к основным значениям «способности», то все такие значения относятся к ее первичному смыслу. Всё остальное воплощается в действительность «...в одних случаях потому, что нечто другое имеет по отношению к нему такую способность, в других случаях потому, что оно ее не имеет, а в иных случаях потому, что имеет ее в определенной мере»; таким образом, способность — «...начало изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой...» [30, с. 164]. Возникает вопрос о качествах объекта и изменений в структуре объекта. «Качеством называется видовое отличие сущности, например: человек есть живое существо такого-то качества, потому что он двуногое существо, а лошадь — потому что четвероногое и круг — фигура такого-то качества, ...так что относящееся к сущности видовое отличие и есть качество. Таким образом, в одном смысле качеством называется видовое отличие в сущности, а в другом говорится о качестве в отношении неподвижного, а именно в отношении математических предметов; так, числа имеют определенное качество, например числа сложные и простирающиеся не в одном только направлении, а такие, подобие которых — плоскость и имеющее объем...» [30, с. 165]

Наконец, остается выяснить еще один существенный вопрос: каков аксиологический смысл «случайности»? Иначе говоря, может ли причина, совмещающая в себе начало и результат изменений структур объекта или же перемен в судьбе субъекта и потому в метафизическом смысле являющаяся «целью», по своей сущности и последствиям оказаться «благом»? Аристотель соглашается с Эмпедоклом, который говорил о зле и благе как о началах, при условии: «если только причина всех благ — само благо, а причина зол — зло». Следует различать, по его мнению, «материю» и «то, откуда движение»; в этом случае возможно (корректно) говорить «о благе как о причине» [30, с. 74]. «В самом деле, одни вещи возникают друг из друга через соединение, другие — через разъединение, а это различие имеет самое большое значение для выяснения того, что есть предшествующее и что последующее» [30, с. 82]. Аристотель считает, что начала и причины необходимо исследовать в отношении «всего сущего в совокупности» — чувственно воспринимаемого и не воспринимаемого чувствами [30, с. 84].

Это — «сухая теория»; придадим аргументам некоторую «живописность» (художественность и жизненный драматизм), отыскав в качестве примера подходящий фрагмент гомеровской поэмы, тем более что А. Ф. Лосев отмечал «многочисленные места у Гомера», в связи с «абсолютизацией причинных отношений», вообще характерных для гомеровского героического эпоса [34, с. 319].

Оба выдающихся античных философа — Платон и Аристотель — оригинальным способом использовали подходящие литературные фрагменты из «школьных» классиков (эпических и драматических поэтов) в качестве иллюстраций к своим суждениям и выводам. К примеру, тезис о принци-

альной неспособности человеческого ума постичь природу высшего знания о жизни иллюстрируется Платоном ссылкой на мифологическое предание об Эдипе — в пересказе соответствующего фрагмента трагедии Еврипида «Финикиянки». Сократ в платоновском изложении, в диалоге «Алкивиад II», говорит следующее: «Так не кажется ли тебе, что требуется очень сильный дар провидения, чтобы как-нибудь невзначай, полагая обрести благо, не вымолить себе величайшего зла, когда боги расположены дать молящему именно то, о чём он просил? Например, об Эдипе рассказывают, будто он просил у богов, чтобы его сыновья медью делили отцовское достояние. Вместо того чтобы молить, как это было еще возможно, об отвращении уже нависшего над ним зла, он накликал еще новое зло» [35, с. 79]. В другом месте — в диалоге «Алкивиад I» рассуждения Сократа о справедливости и несправедливости подкрепляются ссылкой на «рассказы Гомера», он обращается к собеседнику: «...ведь ты знаком и с “Одиссеей”, и с “Илиадой”»; «разумеется» — отвечает тот [35, с. 187]. Аристотель ссылается на легендарного «старца» Гомера неоднократно: в «Метафизике» трижды, в «Категориях» и «Аналитиках» — дважды; всегда это удачно подобранные эпизоды известных всякому эллину произведений. В трактате «Топика» говорится: «Для ясности следует приводить примеры и сравнения. Примеры должны быть подходящими и взяты из того, что нам известно, как приводит их Гомер» [5, с. 510]. Воспользуемся их излюбленным демонстрационным приемом (преследующим как когнитивные — коммуникативные — задачи, так и собственно философские — строго научные задачи аргументации) самих классиков античной философии. Проиллюстрируем методологическую конструкцию Аристотеля, объясняющего «начала» вещей и процессов, «причины» движения (изменений в природе предметов «наличного бытия» и явлений), а также особую роль «случайности» в диалектике внутренних и внешних противоречий, обуславливающих «картину мира» человека, его мировосприятие и его общественный статус, что наиболее важно для социализации индивида в рамках полисной организации, подходящим фрагментом гомеровской поэмы.

«Песнь десятая» гомеровской «поэмы странствий» в этом смысле является ключевой; считается, что корпус из восьми книг, включая эту, выполняют важную композиционную и сюжетную функцию, объясняя, каким образом Одиссей в результате обрушившихся на него бедствий потерял все свои корабли и всех своих спутников и оказался один на один перед лицом новых суровых испытаний (см. об архитектонике поэмы: [36; 37]). Полусказочное повествование о пребывании многострадального Одиссея в доме гостеприимного царя Алкиноя близится к своему логическому завершению: главный герой должен наконец вернуться домой; он заканчивает скорбный и одновременно увлекательный рассказ о своих странствиях. Финальный эпизод рассказа любопытен, поскольку представляет собой *иллюстрацию (когнитивную модель) к метафизике мировосприятия* — диалектического взаимодействия «причин» и «следствий». Одиссей, одолевший волшебницу Цирцею, принуждает ее вернуть человеческое обличье его соратникам; проведя год на ее острове, он требует наконец, что-

бы она возвратила его в «милое» отечество. Цирцея, не такая уж и всемогущая, предлагает ему прибегнуть к помощи высших сил: он должен отправиться на край Океана у самого входа в область Аида и спросить прорицателя Тиресия о своей судьбе. Но кто укажет путь в загробный мир? Нет худа без добра, как говорится; нечаянная смерть несчастного Ельпенора решает всё дело. Воспрянувший духом Одиссей «товарищей верных всех разбудил», торопя с отъездом, они же покоряются ему «мужеским сердцем». Однако отплыть «без утраты печальной» не получилось: самый младший воин в дружине, не отличавшийся ни смелостью в битвах, ни умом, «крепким вином охмеленный», отправившийся спать «для прохлады» на кровлю пристройки ко дворцу, погибает по собственной глупости нелепым образом. «Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав, вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням, прынул спросонья вперед, сорвался и, ударясь затылком оземь, сломил позвоночную кость, и душа отлетела в область Аида» [38, с. 120]. Одиссей без обиняков указывает спутникам на неизбежность посещения «царства Аида, где властвует страшная с ним Персефона», прежде, чем они смогут возвратиться в отчизну. «Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему берегу, вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно» [38, с. 120]. Патетическая сцена завершается жертвоприношением черной овцы с бараном прямо на берегу перед готовыми к отплытию кораблями; смертные покоряются «имманентной», говоря философским языком Канта, воле олимпийских богов. Налицо все категориальные компоненты *диалектического анализа* метафизических перемен в «житии» многострадального Одиссея: «действие» (нарастание количественных изменений, переходящих в качественные), «причина»

(скрытая прежде от ума человека, но теперь ему открывшаяся), драматическое, методологически необходимое уточнение «цели» (скитания закончились, свыше санкционировано «возвращение» героя домой), явственно обозначившееся «благо» — бесценный жизненный опыт, полученный «хитроумным» героем во всех испытаниях.

Заключение (Conclusion)

Итак, «качество» (разумеется, не столько логическая, сколько прежде всего философская категория) оказывается принципиально важным моментом аристотелевской диалектики: дело совсем не в том, что «субстанциональная» определенность объекта неотделима от самого факта его изначального «предметного» существования, а в том, что определенными изменениями в совокупности характеристик феномена или же предмета обусловлена динамика самой реальности.

Категориальное значение «случайности» в такой метафизической интерпретации приобретает несомненно аксиологический характер: движение не измеряется лишь количеством таких «осуществлений движущегося», которые приводят в конце концов к изменению качественных измерений, ибо это «осуществление сущего в возможности»; движение (незаконченное и законченное действие, «признак души») следует рассматривать «осуществлением возможного как такового» [30, с. 289].

Таким образом, аристотелевское понимание самобытности (независимости от субъекта) бытия предполагает равноценность изменчивого и текучего единичного бытия (как сочетания «формы» и «материи») наряду с бытием, «пребывающим» вечно, непреходящим (познание может быть только познанием «формы»). Действительным становится только обладающее «возможностью» становления.

Библиографический список

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия религии* : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. 532 с.
2. Бибахин В. В. *Слово и событие*. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.
3. Асмус В. Ф. *Метафизика Аристотеля // Аристотель*. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 5–62.
4. Ильенков Э. В. *Диалектическая логика: Очерки истории и теории*. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. 320 с.
5. Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
6. Кант И. *Метафизические начала естествознания // Соч.* : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 53–176.
7. Кант И. *Критика чистого разума // Соч.* : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. С. 69–696.
8. Лосев А. Ф. *История античной философии в конспективном изложении*. М. : Мысль, 1989. 204 с.
9. Лосев А. Ф. *История античной эстетики* : в 7 т. Т. 4 : Аристотель и поздняя классика. М. : Искусство, 1975. 776 с.
10. Лосев А. Ф. *Диалектика мифа*. М. : АСТ, 2021. 446 с.
11. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. *Аристотель: в поисках смысла*. М. : Молодая гвардия, 2014. 295 с.
12. Лосев А. Ф. *Критика платонизма у Аристотеля*. М. : Академический Проект, 2011. 250 с.
13. Хайдеггер М. *Феноменологические интерпретации Аристотеля (экспозиция герменевтической ситуации) / пер. с нем.* Н. А. Артеменко. СПб. : Гуманитарная Академия, 2012. 224 с.
14. Allan D. J. *The Philosophy of Aristotle*. London : Oxford University Press, 1952. 220 p.
15. Destrée P. *Aristote. Bonheur et Vertus*. Paris : Presses Universitaires de France, 2003. 208 p.
16. Rodziewicz A. *Ιδέα και εἶδος. Idea i forma. O fundamentach filozofii Platona i presokratyków*. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2012. 469 p.
17. *The Letter Before the Spirit. The Importance of Text Editions for the Study of the Reception of Aristotle* / eds. M. I. Aafke, H. Oppenrey. Leiden : Brill Publ., 2013. 541 p.
18. Rovelli C. *Aristotle's Physics: A Physicist's Look // Journal of the American Philosophical Association*. 2015. No. 1. P. 23–40.
19. Орлов Е. В. *Философский язык Аристотеля* : моногр. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2011. 317 с.

20. Орлов Е. В. Аристотель о началах человеческого разума : моногр. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2013. 303 с.
21. Черняков А. Г. Онтология времени: Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб. : Изд-во Высш. религиоз.-филос. школы, 2001. 458 с.
22. Лосев А. Ф. Гомер. М. : Молодая гвардия, 2006. 398 с.
23. Сахарный Н. Л. Гомеровский эпос. М. : Художественная литература, 1976. 397 с.
24. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. М. : Наука, 1983. 296 с.
25. Finley M. *The World of Odysseus*. New York : New York Review Books, 2002. 232 p.
26. *The Cambridge Companion to Homer* / ed. R. Fowler. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 414 p.
27. Powell B. *Homer*. Oxford ; Carlton : Wiley-Blackwell, 2007. 258 p.
28. Nagy G. *Homer: The Preclassic*. Berkeley : University of California Press, 2010. 432 p.
29. Апресян Р. Г. Нравоперемена Ахилла. Истоки морали в архаическом обществе (на материале гомеровского эпоса). М. : Альфа-М, 2013. 224 с.
30. Аристотель. Метафизика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 65–368.
31. Белоусов К. И. Синергетика текста. От структуры к форме. М. : ЛИБРОКОМ, 2008. 248 с.
32. Сачков Ю. В. Вероятностная революция в науке. М. : Научный мир, 1999. 143 с.
33. Левин Г. Д. Необходимость — случайность // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 53–54.
34. Лосев А. Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 280–407.
35. Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. 607 с.
36. Шталь И. В. «Одиссея» — героическая поэма странствий. М. : Наука, 1978. 165 с.
37. Орлов И. Л. Путь Одиссея. М. : Маска, 2009. 613 с.
38. Гомер. Одиссея. М. : Наука, 2000. 544 с.

References

- Aafke M. I., Oppenrey H. (eds.) (2013) *The Letter Before the Spirit. The Importance of Text Editions for the Study of the Reception of Aristotle*. Leiden, Brill Publ., 541 p. (in English)
- Allan D. J. (1952) *The Philosophy of Aristotle*. London, Oxford University Press, 220 p. (in English)
- Apresyan R. G. (2013) *Nravoperemena Akhilla. Istoki morali v arkhaischeskom obshchestve (na materiale gomerovskogo ehposa) [The Moral Success of Achilles. The Origins of Morality in Archaic Society (On the Material of the Homeric Epic)]**. Moscow, Al'fa-M Publ., 224 p. (in Russian)
- Aristotel' (1976) *Metafizika [Metaphysics]*, Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, pp. 65–368. (in Russian)
- Aristotel' (1978) *Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 2, 687 p. (in Russian)
- Asmus V. F. (1976) *Metafizika Aristotelya [Metaphysics of Aristotle]*, Aristotel'. Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, pp. 5–62. (in Russian)
- Belousov K. I. (2008) *Sinergetika teksta. Ot struktury k forme [Text Synergy. From Structure to Form]**. Moscow, LIBROKOM Publ., 248 p. (in Russian)
- Bibikhin V. V. (2001) *Slovo i sobytie [Word and Event]**. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 280 p. (in Russian)
- Chernyakov A. G. (2001) *Ontologiya vremeni: Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaideggera [Ontology of Time: Being and Time in the Philosophy of Aristotle, Husserl and Heidegger]**. Saint Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 458 p. (in Russian)
- Destrée P. (2003) *Aristote. Bonheur et Vertus*. Paris, Presses Universitaires de France, 208 p. (in France)
- Finley M. (2002) *The World of Odysseus*. New York, New York Review Books, 232 p. (in English)
- Fowler R. (ed.) (2004) *The Cambridge Companion to Homer*. Cambridge, Cambridge University Press, 414 p. (in English)
- Gegel' G. V. F. (1975) *Filosofiya religii [Philosophy of Religion]**. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 532 p. (in Russian)
- Гомер (2000) *Odisseya [Odyssey]**. Moscow, Nauka Publ., 544 p. (in Russian)
- Heidegger M. (2012) *[Phänomenologische interpretationen zu Aristoteles (Anzeige der hermeneutischen Situation)]*. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 224 p. (in Russian)
- Il'enkov Eh. V. (1984) *Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii [Dialectical Logic: Essays on History and Theory]**. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 320 p. (in Russian)
- Kant I. (1964) *Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]*, Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 3, pp. 69–696. (in Russian)
- Kant I. (1966) *Metafizicheskie nachala estestvoznaniya [Metaphysical Principles of Natural Science]*, Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 6, pp. 53–176. (in Russian)
- Levin G. D. (2010) *Neobkhodimost' — sluchainost' [Necessity — Randomness]*, Novaya filosofskaya ehntsiklopediya [New Encyclopedia of Philosophy]**. Moscow, Mysl' Publ., vol. 3, pp. 53–54. (in Russian)
- Losev A. F. (1975) *Istoriya antichnoi ehstetiki [History of Ancient Aesthetics]. Vol. 4. Aristotel' i pozdnyaya klassika [Aristotle and the Late Classic]*. Moscow, Iskustvo Publ., 776 p. (in Russian)

- Losev A. F. (1982) O tipakh grammaticeskogo predlozheniya v svyazi s istoriei myshleniya [On the Types of Grammatical Sentence in Relation to the History of Thinking], *Losev A. F. Znak. Simvol. Mif [Sign. Symbol. Myth]**. Moscow, Moskovskii universitet Publ., pp. 280–407. (in Russian)
- Losev A. F. (1989) *Istoriya antichnoi filosofii v konspektivnom izlozhenii [History of Ancient Philosophy in a Concise Presentation]**. Moscow, Mysl' Publ., 204 p. (in Russian)
- Losev A. F. (2006) *Gomer [Homer]*. Moscow, Molodaya gvardiya, 398 p. (in Russian)
- Losev A. F. (2011) *Kritika platonizma u Aristotelya [Criticism of Platonism in Aristotle]**. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 250 p. (in Russian)
- Losev A. F. (2021) *Dialektika mifa [Dialectics of Myth]**. Moscow, AST Publ., 446 p. (in Russian)
- Losev A. F., Takho-Godi A. A. (2014) *Aristotel': v poiskakh smysla [Aristotle: In Search of Meaning]*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 295 p. (in Russian)
- Nagy G. (2010) *Homer: The Preclassic*. Berkeley, University of California Press, 432 p. (in English)
- Orlov E. V. (2011) *Filosofskii yazyk Aristotelya [Aristotle's Philosophical Language]**. Novosibirsk, Sibirskoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk Publ., 317 p. (in Russian)
- Orlov E. V. (2013) *Aristotel' o nachalakh chelovecheskogo razumeniya [Aristotle on the Principles of Human Understanding]**. Novosibirsk, Sibirskoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk Publ., 303 p. (in Russian)
- Orlov I. L. (2009) *Put' Odisseya [Odysseus' Way]**. Moscow, Maska Publ., 613 p. (in Russian)
- Platon (1986) *Dialogi [Dialogues]**. Moscow, Mysl' Publ., 607 p. (in Russian)
- Powell B. (2007) *Homer*. Oxford, Carlton, Wiley-Blackwell Publ., 258 p. (in English)
- Rodziewicz A. (2012) *Ιδέα και εἶδος. Idea i forma. O fundamentach filozofii Platona i presokratyków [Idea and Form. On the Foundations of Plato's Philosophy and the Presocratics]**. Wroclaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Wroclawskiego Publ., 469 p. (in Polish)
- Rovelli C. (2015) Aristotle's Physics: A Physicist's Look, *Journal of the American Philosophical Association*, no. 1, pp. 23–40. (in English)
- Sachkov Yu. V. (1999) *Veroyatnostnaya revolyutsiya v nauke [The Probabilistic Revolution in Science]**. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 143 p. (in Russian)
- Sakharnyi N. L. (1976) *Gomerovskii ehpos [Homeric Epic]**. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 397 p. (in Russian)
- Shtal' I. V. (1978) "Odisseya" — geroicheskaya poehma stranstvii ["Odyssey" — A Heroic Poem of Wandering]*. Moscow, Nauka Publ., 165 p. (in Russian)
- Shtal' I. V. (1983) *Khudozhestvennyi mir gomerovskogo ehposa [The Artistic World of the Homeric Epic]**. Moscow, Nauka Publ., 296 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.